

Стыкалин А. С. СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 101.

Югославия в XX веке : Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М. : «Индрик», 2011.

Antic Z. Soviet propaganda like cominform's per Yugoslavs 02.09.1968 [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-2-247> (дата обращения: 28.08.2013).

Stankovic S. Soviet-Yugoslav ideological polemics intensifying. 08.04.1969a [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-142> (дата обращения: 28.08.2013).

Stankovic S. The ninth congress of the Yugoslav party: big brother's fourth boycott. 11.03.1969b [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-216> (дата обращения: 28.08.2013).

Yugoslavia: outworn structure // Intelligence report 20.11.1970 / Central Intelligence Agency (Directorate of intelligence) [Electronic resource]. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP79T00975A019500090001-6.pdf (дата обращения: 28.08.2013).

УДК 94(47).084

Л. Н. Мазур

НОСТАЛЬГИЯ ПО СССР : ПАМЯТЬ – МИФЫ – ПОЛИТИКА?¹

В статье рассматриваются вопросы формирования ностальгических настроений в российском обществе. Ностальгические настроения, ориентированные на идеализацию советского опыта, выступают в качестве характерной черты современного сознания россиян. В статье освещаются также причины усиления ностальгических настроений и особенности восприятия прошлого на фоне социальной катастрофы, связанной с крушением СССР. Анализируется роль политики памяти и идеологии в трансформации советского мифа в мифологию «золотого века».

К л ю ч е в ы е с л о в а : ностальгия, СССР, прошлое, историческая память, исторический миф.

¹ Статья является сокращенным и переработанным вариантом публикации: *Mazur Liudmila.* Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 2015. Vol. 57, Iss. 3–4, P. 213–238. Special Issue: NOSTALGIA, CULTURE, and IDENTITY in CENTRAL and EASTERN EUROPE. DOI: 10.1080/00085006.2015.1090731.

Тема ностальгии по советскому прошлому в российском обществе сегодня очень популярна не только в массмедиа, но и в научной среде, поскольку представляет собой интересный феномен коллективной исторической памяти, имеющий высокий эмоциональный накал и несомненную идеологическую подоплеку. Сегодня уже можно говорить не просто о ностальгических настроениях, но активной мифологизации исторической памяти, результатом чего является появление новых версий советской истории и модернизация советского мифа о «золотом веке». Закономерно возникает вопрос о том, насколько ностальгические настроения характерны для населения, чем они вызваны?

Первые симптомы ностальгии по СССР социологи зафиксировали еще в 1993 г. Они отметили рост положительных оценок советского опыта среди респондентов. В дальнейшем тема ностальгии стала традиционной для исследований Левада-Центра. По данным социологов, пик ностальгии наблюдался в декабре 2000 г., когда 75 % респондентов высказывали сожаление о распаде СССР. В 2000-е гг. их число несколько сокращается: в 2002 г. удельный вес этой группы составил 65 %, в 2011 г. – 56 % [см.: В Советский Союз...]. К 2018 г. число россиян, сожалеющих о распаде Советского Союза, вновь выросло и достигло 66 % респондентов [см.: Число...], что свидетельствует о неоднозначных процессах: с уходом поколений, рожденных в СССР, ностальгия должна снижаться. Между тем, мы видим обратную картину, причины которой кроются не в естественно-возрастных, а политико-идеологических факторах.

Исследования ностальгии по советскому прошлому начались уже в 1990-е гг. и носили преимущественно эмпирический характер [см.: Фенько; Шабурова; Аксенов; и др.]. В 2000-е гг. публикуются работы Ю. А. Левады, А. С. Чикишевой, Р. Н. Абрамова, В. А. Касама, А. А. Сорокиной, Д. В. Драгунского и др., в которых ностальгические настроения оценивались как социально-психологический феномен, отражающий кризисное состояние российского общества [см.: Абрамов, 2012; Левада, 2002; Чикишева; Добрынина; Ильичев; Касама, Сорокина; и др.]. Эти выводы опирались на результаты социологических опросов, а также на исследования F. Davis, S. Tannock, S. Boym, D. Лоуэнталь, J. Wilson, D. Bartmanski, С. Ушакина, S. Jones [см.: Davis; Tannock; Boym, 2002; Marcos; Wilson; Лоуэнталь; и др.]. В настоящее время в научной литературе можно встретить две точки зрения на данное явление:

1. Об усилении ностальгии россиян по советскому прошлому. Ее придерживаются, в частности, специалисты Левада-Центра [Постернак];

2. Об отсутствии ностальгии, но активном мифотворчестве и использовании советских образов во всех сферах общественной жизни [см.: Чикишева; В Советский Союз...].

Что такое ностальгия?

Изучение ностальгии имеет давнюю традицию. Первоначально она оценивалась как болезненное психологическое состояние человека, испытывающего тоску по дому или прошлому (детству, юности) [см.: Абрамов, 2012]. В дальнейшем ностальгия стала интерпретироваться более широко – в контексте исторической памяти. Так, согласно одному из определений, ностальгия – это «интеллектуально-эмоциональный конструкт, искажающий публичную версию определенного исторического периода или определенной социальной формации прошлого» [Абрамов, 2013].

В настоящее время существует множество дефиниций ностальгии, но большинство из них сложно использовать при проведении эмпирических исследований, так как они включают слабо измеряемые смыслы. Так, например, Ф. Джеймсон рассматривает ностальгию как характерный для эпохи постмодерна «кризис историчности», когда неспособность справиться со временем и историей превращается в реконструкцию прошлого как бесконечной коллекции образов [см.: Jameson, p. 25]. По мнению С. Бойм, «ностальгия – это тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было. Это – утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое, а также проекция времени на пространство» [Бойм, 1999, с. 91]. С. Тэннок определяет ностальгию как «периодизирующую» эмоцию, которая проводит границы между разными эпохами в истории, между счастливым прошлым и настоящим, где не все хорошо, как раньше [см.: Tannock].

Последнее определение позволяет нам приблизиться к пониманию сущности ностальгии как преимущественно положительного эмоционального образа прошлого, основанного на личном опыте и окрашенного печалью о невозвратно ушедших «прекрасных» временах, желанием туда вернуться. Для ностальгии важен не только эмоциональный, но и временной аспект: чем более отдалены события от настоящего, тем в большей степени ностальгия становится формой коллективной памяти, т. е. перестает быть личным живым опытом и становится мифом.

Особенности восприятия ностальгии, основанные на индивидуальном/коллективном, а также прямом/непрямом опыте [см.: Davis], порождают многообразие форм ее проявления. В частности, Хавлена и Холак в качестве основных выделили:

1. Персональную ностальгию (прямой индивидуальный опыт);
2. Интерперсональную (непрямой индивидуальный опыт);
3. Культурную ностальгию (прямой коллективный опыт);
4. Виртуальную ностальгию (непрямой коллективный опыт) [см.: Havlena, Holak].

Эти формы могут сосуществовать, но чаще постепенно замещают друг друга: прямой ностальгический опыт постепенно вытесняется непрямой, а индивидуальный – коллективным. Особый интерес представляет виртуальная ностальгия, поскольку является полностью конструируемой эмоцией, роль которой в условиях современной информационной среды существенно возрастает.

Таким образом, в настоящее время ностальгия оценивается чаще всего в двух основных измерениях:

- 1) на индивидуальном уровне как позитивно эмоционально окрашенные воспоминания о прошлом, которые переживает каждый человек в определенном возрасте (персональная ностальгия);
- 2) на коллективном уровне как общественное социально-психологическое явление (массовая ностальгия) [см.: Образы прошлого...; История и память; Диалоги со временем; Хальбвакс и др.].

Массовая ностальгия появилась в XX в. в условиях новой коммуникационной и информационной среды. Именно ей сегодня посвящены десятки публикаций. Среди причин массовой ностальгии М. Chase и С. Shaw выделяют:

- 1) возросшую мобильность населения вследствие индустриализации, урбанизации, миграции;
- 2) рост темпов повседневной жизни, динамичность экономической, социальной, технологической, культурной среды;
- 3) формирование новой информационной среды общества, в которой особую роль играют массмедиа [см.: Chase, Shaw].

Все эти факторы влияют на уровень стрессов, обостряют психологические реакции человека, в том числе связанные с формированием исторической памяти. С этих позиций ностальгия выполняет функции социальной идентификации и психологической адаптации к настоящему. Массовая ностальгия имеет тенденцию к усилению в условиях кризиса, когда среди населения растет недовольство существующим положением.

Важное место в изучении ностальгии занимает ее типология. Она имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет оценить текущие процессы и провести их диагностику. Наиболее часто используются типологии, предложенные Ф. Дэвисом и С. Бойм.

С. Бойм подразделяет ностальгию на два типа: ресторативную (восстанавливающую) (*restorative*) и рефлексивную (*reflective*) [см.: Бойм, 1999]. В первом случае имеется в виду эмоциональное идеализирующее переживание прошлого, во втором – попытка его осмысления: что было хорошо, что – плохо. Ф. Дэвис выделяет три иерархических типа ностальгии: *простую*, *рефлексивную* и *интерпретативную* [см.: Davis, p. 24]. Их можно рассматривать в качестве определенных этапов формирования исторической памяти. Для простой ностальгии характерны идеализирующее эмоциональное восприятие и оценка прошлого, обычно позитивная. Рефлексивная ностальгия связана с формированием устойчивых образов прошлого, составляющих основу коллективной памяти. Для рефлексивного уровня очень важен критический взгляд, который способствует снятию эмоций и выработке взвешенной оценки событий прошлого. Интерпретативный уровень предполагает изложение исторических представлений в форме нарратива, в том числе ностальгического мифа, создающего образ прошлого, воспринимаемый и транслируемый всем обществом или его частью. Как отмечает Йорн Рюзен, наряду с другими формами исторического нарратива миф наделяет весь прошлый опыт актуальным смыслом [см.: Рюзен]. Интерпретативный уровень ностальгии имеет агентов влияния, среди которых выделяются власть (идеология и политика), наука и образование, искусство, массмедиа, церковь, бизнес и др. В миф перерастают не все ностальгические настроения, а только те, которые отличаются массовостью и наиболее высоким эмоциональным накалом.

Особую роль ностальгия играет в обществах, которые пережили социальные катастрофы (войны, революции), перевернувшие привычный мир. Она представляет собой не просто эмоционально окрашенные воспоминания о прошлом, а психологическую реакцию на посттравматический шок и потому может быть обозначена как *ностальгия катастроф*. В этом случае в основе ностальгических настроений лежит противопоставление прошлое – настоящее. Опираясь на позитивные реконструкции прошлого, оттененные негативным опытом настоящего, ностальгия катастроф становится основой ностальгического мифа о «золотом веке» и превращается в инструмент политических манипуляций.

Пережитые обществом социальные потрясения нарушают естественные процессы формирования исторической памяти (простая – рефлексивная – интерпретативная стадии), где ностальгия проявляет себя только на первой стадии. В условиях социальной катастрофы возникает эффект разрыва памяти. Ее пересекает резкая граница: «до и после», которая

порождает ностальгические aberrации прошлого, способствуя стремительной мифологизации исторической памяти. Именно такая ностальгия была характерна для постсоветского общества. По мнению С. Ушакина, «советский мир распался столь стремительно, а травма была столь глубока, что ностальгия по советскому появилась спустя десятилетие после 1991 г., став по-настоящему массовым феноменом и существенным образом отразившись на массовой культуре» [Oushakine, p. 451].

Назад в СССР?

Для оценки уровня и характера ностальгических настроений в феврале-марте 2014 г. было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 989 человек, 623 из них были привлечены в результате целевой выборки методом «снежного кома», отправной точкой формирования которого стали студенты Уральского федерального университета. В качестве анкетеров они опросили своих родителей, родственников, друзей, соседей. В дополнение к этой выборке был проведен интернет-опрос, в котором приняли участие 366 респондентов из разных регионов России.

Состав респондентов приведен в табл. 1 и характеризуется определенными параметрами, ограничивающими репрезентативность выборки.

Т а б л и ц а 1

Характеристика выборочной совокупности

Параметры	По данным выборки, %	По России в целом (данные Всесоюзной переписи населения 2010), %*
По месту проживания		
Город	96,4**	74,0
Село	3,6	26,0
По полу		
Мужчин	28,4	46,2
Женщин	70,8	53,8
По уровню образования		
Неполное высшее и высшее	61,8	27,2

О к о н ч а н и е т а б л. 1

Параметры	По данным выборки, %	По России в целом (данные Всесоюзной переписи населения 2010), %*
Полное среднее и среднепрофессиональное	24,4	69,3
Основное и начальное	12,9	
По занятости		
Работающие	59,2	
Безработные	6,7	
Пенсионеры	3,5	
Учащиеся	29,3	
По уровню материального благополучия		
Высокий	5,7	
Средний	86,1	
Низкий	4,2	

* Итоги переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.05.2019).

** 64,6 % – крупнейшие города (свыше 1 млн жителей); 18,4 % – средние и крупные города; 12,3 % – малые города.

Социальный портрет респондента, принявшего участие в опросе, выглядит следующим образом: это преимущественно женщины с высшим или неполным высшим образованием, учащиеся или работники бюджетной сферы со средним уровнем дохода, проживающие в крупном городе. Выборка может быть оценена как репрезентативная по отношению к *среднему классу населения крупных городов России*. В выборке отсутствуют такие категории населения, как представители крупного бизнеса, силовых структур и оборонного комплекса, мнения которых могут существенно отличаться. Слабо представлен аграрный сектор. Тем не менее, результаты проведенного опроса представляют интерес, так как позволяют выделить основные тенденции формирования исторической памяти.

Анкета включала 30 вопросов, которые подразделялись на несколько блоков: диагностика ностальгии и ее причин; характеристика информационных каналов формирования исторической памяти и механизмов ностальгии; анализ образа прошлого и уровня его мифологичности. Среди задач опроса было изучение представлений респондентов о «золотом веке» применительно к истории СССР. Обработка результатов опроса велась по возрастным группам, что позволило проследить изменение представлений о СССР и отношения к нему в зависимости от возраста.

Для оценки индивидуальной ностальгии респондентов были сформулированы несколько вопросов, в том числе стандартный вопрос о том, сожалеют ли респонденты о распаде СССР. Он постоянно фигурирует в социологических опросах Левада-Центра, что позволяет соотнести полученные результаты с проведенными ранее исследованиями. По данным Левада-Центра (март 2011 г.) 58 % россиян сожалели о распаде СССР, 27 % – не сожалели [см.: О распаде СССР]. В 2014 г. соотношение настроений соответствовало 55 % и 31 % [Общественное мнение..., с. 224]. Основной повод для сожалений – потеря чувства принадлежности к великой державе (52 %) [см.: В чем причины ностальгии...].

В проведенном нами опросе о распаде СССР сожалеет меньше респондентов – 34,8 %, не сожалеют совсем – 42,4 %, затруднились ответить – 22,8 %. Среди молодежи удельный вес сожалеющих о распаде СССР не превышает 26 %. Среди респондентов, родившихся и живших в Советском Союзе, уровень сожаления существенно выше и в старших возрастных группах достигает 70 %.

Более точно уровень ностальгии позволяют оценить вопросы, связанные с восприятием прошлого в категориях «лучше – хуже», а также с выбором исторического времени, в котором хотелось бы родиться. В общей сложности 29,3 % респондентов считают, что в СССР жилось лучше; 34,7 % – хуже; 30,8 % затруднились ответить. Свой вариант предложили 4,7 % (преимущественно представители старших поколений), он отражает неоднозначную оценку («в чем-то лучше, в чем-то хуже»; «смотря для кого, для современной молодежи было бы плохо»; «не лучше – спокойнее»; «да – с точки зрения значимости человеческих ценностей», «нет – с точки зрения возможности заработать и выразить свое мнение»).

В качестве уточняющего вопроса был предложен выбор наиболее предпочтительного исторического времени и места проживания. По результатам опроса более 1/3 респондентов (33,5 %) предпочли бы жить в другой стране, 66,5 % – в России, в том числе в царской России – 8,0 %, в СССР – 24,1 %, в современной России – 34,5 %. Наиболее высокая доля

респондентов, выбравших в качестве альтернативы другую страну, наблюдается среди молодежи (20–29 лет) и среднего возраста (30–49 лет). Кризис и отсутствие позитивной перспективы в стране заставляют их рассматривать варианты своего будущего за пределами родины. В рамках советской истории предпочтение было отдано брежневским годам (14,4 %), а также хрущевскому периоду (5,4 %), что коррелирует с представлениями о «золотом веке» в позднем СССР [см., напр.: Кустарев, 2007].

По совокупности ответов можно сделать вывод, что ностальгию ощущают не более 30 % респондентов, в основном в старших возрастных группах. И этот показатель заметно ниже, чем принято считать. На индивидуальном уровне она отрицается большей частью респондентов. Эти данные подтверждают мнение А. С. Чикишевой, которая еще в 2009 г. отметила, что, «несмотря на несомненную популярность советских образов во всех сферах общественной жизни, население России не выказывает желания действительно вернуться в советское прошлое» [Чикишева].

Однако около 20 % молодежи (до 29 лет) считают, что в СССР жилось лучше, а 25 % сожалеют о распаде СССР. Примерно 6 % молодежи обозначили в качестве «золотого века» сталинский период, а 20 % – 1950–1980-е гг. Таким образом, мы наблюдаем формирование ностальгических настроений в той возрастной группе, которая не жила в СССР, не имеет собственных воспоминаний, но выступает носителем коллективной памяти ностальгирующего типа. Современная российская молодежь активно включается в ностальгическое пространство, формируемое телевидением, Интернетом, кино, рекламой, политическим дискурсом, перенимает оценочные суждения о советском прошлом, которые транслируют старшее поколение и СМИ. Она выступает носителем так называемой *виртуальной исторической памяти*², которая опирается не на личный опыт, а на мифологизированные представления о прошлом. В целом внимание к советскому прошлому фиксируется среди всех категорий респондентов: 60,9 % из них интересуются советской историей и 88,1 % обсуждают события прошлого со своими близкими, друзьями и знакомыми.

Причины ностальгии в современном российском обществе можно подразделить на две группы:

– возрастные настроения, свойственные старшему поколению, составляют основу для простой ностальгии. Они связаны с желанием вернуться в годы своей юности, молодости, которая воспринимается эмо-

² Термин был предложен Susan Holak.

ционально позитивно («моя юность и молодость»; «были молоды, все было по плечу, поступили в институт по желанию, учили хорошо, ездили в стройотряды, были все другими»);

– недовольство настоящим как отражение существующего в обществе кризиса (политического, экономического, идеологического). Данное настроение встречается во всех возрастных группах и в условиях отсутствия позитивной социальной перспективы легко перерастает в коллективную ностальгию по прошлому, которое представляется уже на рациональном уровне как более благополучное время («смысла в жизни больше нету. Раньше было великое будущее впереди, а сейчас – ничего»).

Таким образом, причины индивидуальной ностальгии кроются в самом человеке, массовой ностальгии – в обществе, его проблемах и особенностях развития. Массовая ностальгия, в свою очередь, может быть естественной реакцией населения на проблемы сегодняшнего дня, а может выступать объектом целенаправленного конструирования. Если к конструированию подключается власть со всеми своими институтами информационного регулирования, создаются условия для мифологизации и идеологизации исторической памяти, что особенно характерно для современной России.

Опрос показал, что в обществе существуют объективные предпосылки для формирования массовой ностальгии: более 40 % в целом недовольны произошедшими после распада СССР переменами и не видят положительной перспективы в будущем. В сельской местности и в депрессивных городах доля склонных к ностальгии по прошлому должна быть еще выше, поскольку проблемы с работой и уровнем доходов там выражены сильнее, а социальный оптимизм стремится к нулю.

Люди ищут в прошлом то, чего им не хватает в реальной жизни. В этом смысле ностальгия – один из вариантов психологического ухода от нарастающих проблем. В свою очередь, в условиях кризиса, не имея четкой программы развития, власть также предпочитает искать опору своих стратегий в образах прошлого, оформляя их в знакомые и привлекательные для общества символы. Как правило, в этом случае включаются механизмы отбора исторической информации при формировании виртуальной исторической памяти (например, возвращение к идее единого учебника по истории, появляются запретные темы, борьба с «фальсификациями» в истории и пр.).

В качестве причины массовой ностальгии следует отметить также роль общественных институтов, которые с разными целями конструируют и стимулируют ностальгические переживания. К ним относится масс-

медиа (особенно телевидение, радио, кино), а также торговля и реклама, которые, используя законы рынка, формируют модели потребления, основанные на ретро-символах.

Конструируя прошлое...

Ностальгия как разновидность исторической памяти опирается прежде всего на личный опыт. Она жива, пока живы участники событий – свидетели прошлого. Личный опыт придает эмоциональность образам прошлого, влияет на их информационную структуру. Помимо личного опыта, эмоциональные переживания прошлого передают воспоминания представителей старшего поколения, аудиовизуальные каналы информации (фотографии, песни, фильмы, живопись). Они выступают в качестве дополнительных механизмов конструирования исторической памяти.

Для изучения механизмов формирования ностальгии в анкету были введены вопросы о том, насколько оно интересно для респондента, какие источники информации используются, в том числе уточнялось влияние на ностальгические настроения таких каналов информации, как устный (обсуждение с родными, друзьями, товарищами, учителями), медийный (фильмы, книги, теле- и радиопередачи, интернет-ресурсы и пр.), а также предметный.

Опрос показал, что 64,9 % респондентов интересуются советским прошлым, в том числе 52,4 % юношей и девушек в возрасте до 18 лет и 57,2 % в возрасте от 19 до 29 лет. В средних и старших возрастных группах, где знание прошлого опирается на личный опыт, интерес к советской истории испытывают более 70 % респондентов. Из периодов советской истории наиболее интересными для респондентов являются 1930–1940-е гг. и 1970–1980-е гг. Время правления И. Сталина с его репрессиями и достижениями в сфере экономики, победа в войне привлекают внимание преимущественно молодежи, а также представителей среднего возраста. Интерес объясняется респондентами связью с историей семьи, а также стремлением понять это сложное, противоречивое время. Позднесоветский период интересен преимущественно для старших возрастных групп и связан с желанием «вернуться в свою юность». Повышенное внимание юношей и девушек до 18 лет к периоду перестройки и распада СССР поддерживается школьными занятиями, где обсуждается эта тема, в том числе «причины, приведшие к развалу огромной страны».

В зависимости от возраста меняется информационный базис исторической памяти. Так, например, для респондентов в возрасте от 40 лет

и выше основным источником информации о советском времени выступают собственные воспоминания, которые дополняются фильмами, художественной и научно-популярной литературой, а также телепередачами. Для молодежи, родившейся в конце 1980-х – 1990-е гг., основным источником информации о СССР стали воспоминания родителей, школьные уроки, вузовские лекции, а также художественные и документальные фильмы и книги. Наиболее разнообразную информационную картину дает опрос 30-летних респондентов. В равной степени они опираются практически на все источники информации: собственные воспоминания дополняются рассказами родителей, вниманием пользуются телепередачи, фильмы и книги, интернет-ресурсы, информация которых постепенно вытесняет знания по истории, полученные в школе и в вузе. Для этого возраста характерно стремление к независимой оценке событий прошлого (табл. 2).

В целом наиболее востребованными информационными каналами выступают воспоминания (собственные или родительские) – 89,7 %, а также аудиовизуальные информационные каналы – телевидение, художественное и документальное кино – 75,5 %. В меньшей степени привлекаются книги (художественные, научно-популярные) – 30,0 % и интернет-ресурсы – 9,4 % (см. табл. 2). Высокий удельный вес воспоминаний и визуальных источников в структуре информационных каналов обеспечивает трансляцию не только и не столько научной исторической информации и знаний о советском прошлом, сколько эмоционально окрашенных образов, нередко искаженных.

Особую роль в формировании идеализированного образа советского прошлого играет художественный кинематограф, влияние которого отметило большинство респондентов. Более половины опрошенных (55,6 %) любят смотреть советские фильмы. Наибольшей популярностью они пользуются у 50-летних зрителей. Около 1/3 молодежи в возрасте до 29 лет отметили, что также с удовольствием смотрят фильмы; 20 % их смотрят редко или вообще не смотрят. Среди фильмов чаще всего упоминаются комедии Э. Рязанова и Л. Гайдая, мелодрамы, а также приключенческие картины («Белое солнце пустыни», «Место встречи изменить нельзя» и др.) и фильмы о Великой Отечественной войне.

Советские фильмы регулярно демонстрируются по всем центральным каналам, кроме того, телевидение предлагает зрителю специализированные «фильмовые» каналы («Любимое кино», «Наше кино», «Дом кино», «Русский иллюзион» и др.), где советские картины составляют основной контент. Однако репертуар телеканалов очень похож и весьма

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие источники информации о советском прошлом Вы используете?», %

Варианты ответов	До 18 лет	19–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет
Я сам/сама хорошо помню это время	1,6	1,9	42,9	76,2	82,4	86,0
Телепередачи по истории	30,9	34,0	36,0	18,8	20,3	20,0
Художественные и документальные фильмы	55,0	58,0	57,1	43,6	47,3	32,0
Художественные и научно-популярные книги по истории	38,7	53,4	31,7	25,7	20,3	10,0
Рассказывали преподаватели в школе или университете	55,5	37,9	11,2	5,9	2,7	2,0
Интернет-ресурсы (сайты, форумы)	9,9	16,0	16,8	8,9	2,7	2,0
Рассказывали мои родители, бабушка, дедушка	72,8	70,1	56,5	33,7	12,2	2,0
Ваш вариант ответа	2,1	3,9	2,5	2,0	1,4	0,0
Количество респондентов, человек	191	412	161	101	74	50

ограничен: демонстрируются практически одни и те же фильмы. В основном по телевидению показывают комедии и мелодрамы 1930–1970-х гг., многие из которых вошли в «золотой фонд» советского кинематографа («Кавказская пленница», «Берегись автомобиля», «Любовь и голуби» и др.). Практически не транслируются «серьезные» проблемные советские фильмы, очень редко можно увидеть авторское кино. Развлекательность свойственна и большинству телепередач о советском прошлом. В результате у среднестатистического зрителя формируется позитивная и благополучная картина прошлого, соответствующая представлениям о «золотом веке». Ее дополняют трансляции по каналам «Ностальгия» и «Ретро» записей советских популярных телевизионных передач («Голубой огонек», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», «Песня года» и др.).

Заметное место в формировании ностальгического пространства сегодня занимает виртуальный СССР, представленный «советскими» сайтами (проект «Энциклопедия нашего детства»; Музей «20-й век»; За_сср – сообщество «За нашу Советскую Родину!»; ussr_ru – сообщество «СССР (все об эпохе 1917–1991)»; vospominaniya – сообщество «То, о чем всегда приятно вспоминать...»; sssr_foto – сообщество «1922–1991: СССР в фото»; «Как это было»; «Вспомнить все» и др.). Пока интернет-ресурсы используются незначительно, в среднем 9 % респондентов указали на данный источник информации как значимый для получения сведений о СССР (см. табл. 2). Наиболее активными пользователями выступают респонденты в возрасте от 20 до 40 лет (около 16 %). Однако следует ожидать, что значение данного канала в будущем будет возрастать, поскольку он все больше принимает на себя роли модератора коллективного сознания и памяти.

Несколько вопросов анкеты были связаны с изучением влияния предметного мира на формирование исторической памяти и ностальгических настроений. Вещь может нести сильный эмоциональный заряд, напоминая о прошлом их владельцам и передавая эту память последующим поколениям. Особенно важны артефакты, визуализирующие и оживляющие прошлое – это фотографии, музыка, видеозаписи и любительские фильмы, а также лично ориентированные предметы, т. е. связанные с хобби, коллекционированием.

По результатам опроса более 80 % респондентов хранят фотографии, около 1/3 – пластинки и магнитофонные записи с песнями. Более половины берегут значки, марки, монеты и прочие предметы, не занимающие много места. Среди часто называемых предметов упоминают также предметы интерьера: часы, картины, посуду, мебель. Реже вспоми-

нают об одежде, бытовой технике, их сохраняют примерно 10 % респондентов. Более 7 % молодежи полагают, что от советского времени не сохранилось ничего.

Современный предметный мир очень динамичен. В 1960–1970-е гг. сформировался новый тип потребления, ориентированный не на сохранение, а на быструю замену одних предметов другими – более современными, модными, технологичными. В этих условиях вещи из советского прошлого исчезают быстрыми темпами, но не окончательно, возрождаясь во внешних своих чертах в новых товарах. Ностальгия давно уже стала источником получения прибыли. Мода на старые вещи и винтажный дизайн охотно эксплуатируется производителями, поскольку она затрагивает чувства человека. К тому же в массовом сознании «советские» продукты нередко ассоциируются с более качественными, чем пользуются многие производители, возрождая памятные старшему поколению товарные бренды.

По данным опроса 11,7 % респондентов предпочитают товары, использующие советскую символику, так как считают их более качественными. Чаще всего покупают продукты питания и напитки, сохранившие название и оформление из советского прошлого. Особой популярностью пользуются конфеты, колбасы, сгущенное молоко и мороженое. Основная часть респондентов (64,6 %) считают, что при покупке товаров руководствуются их качеством и не обращают внимание на уловки производителей. На деле все гораздо сложнее. Как показало наблюдение, проведенное в нескольких крупных супермаркетах Екатеринбурга, а также интервью с продавцами, товары, использующие советские образы и символы, раскупаются более активно, причем не только пожилыми покупателями, но и молодежью. Поскольку молодое поколение не знакомо с советскими товарами, многие производители прибегают к использованию более наглядных советских символов в оформлении продукции. Особенно популярна аббревиатура ГОСТ³, в магазинах продаются «гостовские» мороженое, масло и колбаса. Советская тематика востребована при оформлении интерьеров ресторанов и кафе.

Таким образом, на протяжении 2000-х гг. шло формирование информационно-предметной среды, объективно подпитывающей ностальгические настроения бывших советских граждан и конструирующей

³ ГОСТ (Государственный отраслевой стандарт) – нормативный документ, регламентирующий состав и технологию изготовления продукта с учетом санитарно-гигиенических, а также потребительских качеств.

историческую память новых поколений россиян. В создании позитивных образов советского прошлого сегодня участвует сразу несколько информационных каналов. Особую роль играет телевидение, где уже в 1990-е гг. было реализовано несколько успешных проектов, посвященных советскому прошлому. Среди них музыкальный фильм «Старые песни о главном», премьера которого состоялась в новогоднюю ночь 1996 г., получивший продолжение в 1997–1998 гг. Одновременно на экраны вышел документальный цикл Л. Парфенова «Намедни 1961–2003: Наша Эра» (1997–2000). Эти программы задают границы ностальгического пространства прошлого – 1950–1980-е гг. Оно дополняется художественными фильмами, снятыми на данную тему: «Парк советского периода» (2006); «Назад в СССР» (4 серии, 2010); «Сделано в СССР» (телесериал, 2011); «Обратная сторона Луны» (телесериал, 2012); «Восьмидесятые» (телесериал, 2012–2014); «Оттепель» (телесериал, 2014); и др.

Насыщенность информационной среды очевидными и неочевидными приметами советского прошлого такова, что они стали привычным элементом повседневности. Опираясь на ностальгические настроения, они заполняют и эмоционально окрашивают окружающий мир, оживляя прошлое, делая его близким и привычным не только для тех, кто был рожден в СССР, но и для новых поколений.

Образ советского прошлого

Основным элементом исторической памяти (индивидуальной и коллективной) выступает образ прошлого, который представляет собой совокупность представлений, закрепленных в общественном сознании в форме устойчивого набора фактов-символов. Движение от факта к символу происходит по сложной схеме: событие – обозначение (имя) – символ. Событие должно быть значимым и восприниматься сознанием как важный факт прошлого, судьбоносный для развития страны и общества. Значимость события может быть объективной (например, победа в Великой Отечественной войне 1941–1945) и сконструированной (например, Ледовое побоище 1242 г.). Обозначение события не предполагает использования строго научной лексики, поскольку научные понятия лишены эмоциональности. Название события должно быть образным, всем понятным, но лишенным обыденности. С обозначением события тесно связана визуальная символика, призванная отражать его смысл в узнаваемых изображениях. При наличии всех трех аспектов (значимость, название, символ) историческое событие приобретает свойства *образа прошлого*.

Образ прошлого формируется под влиянием нескольких взаимосвязанных факторов – внутренних и внешних. В первую очередь, это индивидуальные практики, связанные с трансляцией семейных историй, передачей семейных реликвий и традиций, т. е. с личной жизнью человека. Большую роль в создании образа прошлого играет предметный мир, в том числе личные памятные вещи (фотографии, музыкальные записи, плакаты, открытки, значки, ордена, монеты и пр.), они содержат не просто информацию, но становятся носителями символов прошлого, которые постепенно трансформируются в образы. Не менее значима роль мест памяти. Несмотря на попытки уничтожения советских памятников, имевшие место в начале 1990-х гг., российские города и села в целом сохранили советский архитектурный пейзаж, который также является источником актуализации образа прошлого.

Формирование образа советского прошлого детерминируется такими внешними факторами, как политика и идеология, массмедиа, реклама. Особую роль играют мероприятия по возрождению праздников, реанимация явлений советского прошлого (нормы ГТО⁴, ВДНХ⁵ и пр.), использование советизмов в лексике. Важное место в конструировании образа прошлого занимают искусство и наука, в том числе особенности интерпретации истории.

Образ прошлого, сформированный под воздействием разнонаправленных факторов, обычно оказывается достаточно противоречивым, включая как позитивно, так и негативно окрашенные элементы (события и символику). В случае целенаправленного конструирования образа прошлого он приобретает эмоциональную однородность и упрощенную структуру, составляя основу для мифа.

Как можно судить по результатам проведенного социологического исследования, образ советского прошлого, транслируемый респондентами, в целом несет положительную эмоциональную окраску и складывается прежде всего из символов, связанных с победами и достижениями СССР. В частности, победу в Великой Отечественной войне в качестве

⁴ ГТО (Готов к труду и обороне) – спортивные нормы, разработанные для всех возрастов и обязательные для выполнения.

⁵ ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства. Была организована в 1939 г. в Москве как Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, в 1959 г. была реорганизована в постоянно действующую Выставку достижений народного хозяйства СССР, в 1992 г. реорганизована во Всероссийский выставочный центр, в 2014 г. вновь переименована в ВДНХ.

ассоциативного факта отметили 56,2 % респондентов. Достижения науки и культуры в качестве символов СССР зафиксировали около 1/3 респондентов (33,7 % – покорение космоса и атома; 30,9 % – достижения науки и культуры; 16,2 % – спорт). Космос и культура оказались значимы в большей степени для среднего и старшего поколения респондентов, молодежь (до 18 лет) чаще выбирала спорт, интерес к которому объективно усилила Олимпиада 2014 г.

К нейтральным символам были отнесены руководители государства и государственные символы. Их в качестве ассоциативных образов обозначили более 1/3 респондентов (38,8 % – руководители государства; 32,6 % – государственные символы).

Факты и события с негативной коннотацией отметили также более 1/3 респондентов, в том числе: 10,9 % указали на репрессии; 11,1 % – коммунальные квартиры; 37,1 % отметили дефицит и бюрократизацию. Особое место в этом ряду занимает дефицит, так как это знаковый элемент советской обыденности. Он сохраняется в памяти представителей старшего поколения и передается на уровне виртуальной памяти младшему. Проблема дефицита после многолетнего забвения вновь стала обсуждаться в 2014 г. на волне санкций по отношению к России в связи с войной в Украине. Реакция на появление возможного дефицита оказалась очень предсказуемой – происходит изменение потребительской модели поведения, в частности, снова можно наблюдать «закупки впрок» не только продуктов, но и товаров длительного пользования. Потребительский ажиотаж подогревался колебаниями курса рубля. На сегодняшний день «дефицит» является самой массовой ностальгической фобией, наиболее опасной для власти, поскольку появление дефицита лишает власть тех достижений, которые она может поставить себе в заслугу. В целом негативные элементы присутствуют в ответах большинства респондентов молодого и среднего возраста: до 18 лет – 62,3 % случаев; 19–29 лет – 74,8 %; 30–39 лет – 70,2 %; 40–49 лет – 61,4 %; 50–59 лет – 46,0 %; 60–69 лет – 40,0 %, что свидетельствует о сложном восприятии истории СССР.

Итак, образ советского прошлого в коллективной памяти респондентов достаточно противоречив и часто включает негативные представления, опирающиеся на исторические знания и представления, а также на личный опыт. Учитывая особенности выборки, в которой преобладают респонденты с высшим и неполным высшим образованием, эта картина представляется вполне обоснованной и свидетельствует о рефлексивном характере ностальгии. Однако чем ниже образовательный

уровень респондентов, тем проще, одномернее образ прошлого, сильнее выражено стремление видеть в нем одни только успехи и не замечать недостатков или наоборот.

Советский миф о «золотом веке»

Одно из определений ностальгии, предложенное С. Бойм, гласит: «Ностальгия – это попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство» [Бойм, 2013]. Мифологизация прошлого – один из вариантов меморизации исторического опыта в форме устойчивого, эмоционально окрашенного конструкта, включенного в коллективную историческую память [см.: Репина].

Для исторического мифа характерно одномерное восприятие факта прошлого в категориях оппозиции (хорошо – плохо) с устоявшимися и общепринятыми оценками, которые транслируются всеми информационными каналами (устным, письменным, визуальным). В обычном режиме этап мифологизации исторической памяти наступает с уходом носителей живой памяти, но в некоторых случаях он может протекать в ускоренном режиме, если в этом заинтересованы определенные силы, обладающие рычагами влияния.

Именно такой вариант мы можем наблюдать сегодня в российском обществе. Проблема мифологизации советского прошлого уже неоднократно поднималась в научной литературе и получила освещение в работах А. А. Кустарева, Д. В. Драгунского и др. А. Кустарев, рассматривая эволюцию советских мифов, считает возможным говорить о наличии двух мифологий советского прошлого – официальной и критической. По его мнению, к концу «нулевых» годов критическая советская мифология была вытеснена мифологией новой власти, которая опирается на апологетику прошлого советского опыта, в том числе формирует новые мифы (например, миф об эпохе стабильности в 1970-е гг.) [см.: Кустарев, 2013]. В качестве носителей (агентуры) новых ностальгических мифов он выделяет *стареющие возрастные когорты*, утратившие свое благосостояние или статус, а также тех, кто не адаптировался к новым условиям. Д. В. Драгунский, изучая социальные мифы современной России, также отмечает среди прочих советский ностальгический миф, который называет мифом доброты [см.: Драгунский]. Все эти выводы свидетельствуют о продолжающейся модификации мифа о «золотом веке».

В опросной анкете для изучения уровня мифологичности исторических представлений респондентов о советском времени были сфор-

мулированы два вопроса: «Можно ли какой-либо из периодов советской истории назвать “золотым веком”»; а также открытый вопрос: «Приведите несколько аргументов в пользу того, что этот период времени можно назвать “золотым веком” Страны Советов». На первый вопрос отказались отвечать около половины респондентов (49,9 %), преимущественно молодежь. Это свидетельствует о незавершенности процессов мифологизации исторической памяти и преобладании рациональных подходов к оценке советского прошлого. Следует скорректировать данную оценку с учетом особенностей изучаемой выборки: уровень мифологизации сознания жителей села и малых городов будет выше.

Специфика мифа такова, что он способен «оживить» прошлое, прилизать его к настоящему и представить как реальный вариант будущего. На фоне «ностальгии катастроф» формируется новый миф о «золотом веке», так как «счастливое» прошлое всегда воспринимается через оппозицию к настоящему. Сила мифа о «золотом веке» состоит в том, что он ориентирован как в прошлое, так и в будущее. На образах прошлого строится желаемая модель, которая транслируется в будущее. В частности, социалистические идеи, господствовавшие в советском обществе в 1920–1970-е гг., также представляют собой проекцию мифа о «золотом веке» в будущее. Этот миф поддерживал целостность и жизнеспособность советского общества, пока владел сознанием. Разочарование в идеях социализма стало одной из предпосылок падения советского строя.

Можно выделить несколько вариантов мифа о «золотом веке». Самым древним и наиболее распространенным остается *миф о благоденствии* (миф о рае). С него начинается поэма Овидия. Рассказывая мировую историю от сотворения Вселенной, поэт рисует счастье первых людей под управлением отца Юпитера – Сатурна. Воспоминание о счастливой весне человечества стало любимой темой мировой культуры и превратилось в один из архетипов сознания. По мнению Ю. Г. Чернышева, миф о рае имеет психологическую основу, поскольку связан с воспоминаниями каждого человека о том блаженном состоянии, которое он испытал еще до появления на свет, находясь во чреве своей матери [см.: Чернышов]. В обыденных представлениях «золотой век» – это время, когда *все жили хорошо и были счастливы, сыты, здоровы*.

Именно этот вариант мифа преобладает в суждениях респондентов о советском прошлом. Советский «рай» соотносится с 1950–1970-ми гг. Основные мифологемы, используемые респондентами, – это стабильность и уверенность в завтрашнем дне; социальные гарантии для граждан; высокий уровень жизни; дружба народов, безопасность, порядок; надежда

на светлое будущее, возможность построить рай на земле (коммунизм). Так, например, среди аргументов респондентов звучат следующие высказывания: «Здравоохранение и образование были бесплатные и каждый мог съездить в санаторий, отдохнуть, т. е. все было доступно»; «Считали, что живем в лучшей в мире стране: стабильная работа, зарплата, в магазинах тоже еще все было, каждый год могли ездить в отпуск по всей стране, пересмотрели весь репертуар всех театров»; «Да и вообще жили легко и весело, не думали о том, что будет завтра, вернее, не боялись его». Данный миф наиболее приближен к личному опыту и воспоминаниям, что придает ему особую убедительность и популярность и в наибольшей степени отражает недовольство настоящим на индивидуальном уровне.

Другой разновидностью мифа о «золотом веке» является *миф достижений* – это *время наивысшего развития науки, культуры, искусства, экономики, спорта*. Такая вариация мифа о «золотом веке» появилась позднее, в период Возрождения, когда не только сытость и безделье стали ассоциировать со счастливой жизнью, но и занятия искусством, наукой, т. е. «золотой век» – это время плодотворной духовной жизни. В гуманитарных науках понятие «золотого века» часто используется для описания периода расцвета классической литературы, живописи, музыки.

Миф достижений является наиболее сложным по своей структуре, поскольку имеет не только личностное выражение, но и социальное. Расцвет науки и культуры – это результат напряжения всего общества, создания особых условий для творцов. Используемые мифологемы: наука, промышленность, культура находятся на пике развития; совершенно много выдающихся открытий; подъем экономики, рост качества жизни народа; высокий уровень образованности, культуры, нравственности. Респонденты среди аргументов использовали следующие: «Рекордные объемы строящегося жилья, получение звания первой космической державы»; «Жилье массово строилось, жизнь улучшалась, профилактории строились, колхозы, культура, театры... да все тогда пошло в рост, и все – разумно, для людей»; «Преодолены тяготы военного времени. Романтизм “шестидесятников”. Успехи советской науки. Расцвет (если так можно назвать) культурной жизни. “Оттепель”»; «Великие коммунистические стройки, победа в войне, СССР – сверхдержава»; «Решались глобальные задачи, был покорен космос».

Данный миф в большей степени характерен для представителей средних и младших возрастных групп, которые пытаются рационализировать свои представления о «золотом веке» и аргументировать их на научном уровне. Однако несмотря на стремление к объективности, в них

присутствует мифологическое восприятие прошлого. Мифологичность в этом случае выражается в некритичном восприятии достижений. Более того, в сознании российских граждан на уровне школьного образования закреплялись представления о первенстве России во всем: в изобретении радио, паровоза, электричества, овладении ядерной энергией и пр. В результате реальные факты превращались в мифы, поскольку были вырваны из общеисторического контекста, находились вне зоны сравнения с культурой других государств и народов. Этот миф получил дополнительную мощную поддержку от массмедиа и власти в ходе подготовки и проведения Олимпиады 2014 г., которые ориентировали общество на «возрождение» спортивной славы СССР.

Еще один вариант мифа о «золотом веке» – миф силы, в центре которого находятся образы великой нации и государства. Это наиболее политизированный вариант мифа, где в центре находится уже не человек с его мечтами и проблемами, а высшая сила – государство, ради величия которого приносятся жертвы, а патриотизм становится наивысшей добродетелью. Миф силы имеет длительную историю и фиксируется еще в римской традиции, где идея мощного государства и его приоритетности получила наиболее заметное развитие. Для него характерно некритическое восприятие событий героической истории (например, идеализация истории войн, революций и прочих свидетельств исторической исключительности) и превращение их в святых, достойные только поклонения. Базовые мифологемы: СССР – сверхдержава; мощная армия; великий народ; выдающиеся лидеры; великая миссия (создание общества свободы, равенства, братства).

Основными трансляторами данного мифа в проведенном исследовании стали молодежь и старшее поколение. В своих ответах они используют такие аргументы: «Стабильный экономический рост, наличие национальной идеи, положение в мире, близкое к господствующему»; «Люди стали более образованными, в стране установилась стабильность и порядок, строй, который был только в СССР и Германии»; «Победа в войне, СССР стал сверхдержавой»; «Высокий военный потенциал»; «Наше государство уважали, была дисциплина в народе...»

В высказываниях многих респондентов наблюдается сочетание мифологем из разных вариаций мифов, что позволяет говорить о формировании *сверхмифа*, включающего все три версии и обладающего особой энергетикой и эмоциональной силой. В его основе лежит представление о СССР как великой, могучей державе (миф силы), усиленное мифологемами о благополучной жизни и великих достижениях. В условиях по-

литической конфронтации, в которой оказалась Россия после 2014 г., миф силы становится доминирующим, поскольку отвечает запросу власти и общества в целом. Идея сильного государства сегодня транслируется властью как главная ее заслуга, и этот образ оказался востребованным значительной частью общества, поскольку он позволяет повысить самооценку, укрепить национальный авторитет – заблуждение очевидное и очень опасное.

С целью временной локализации «золотого века» респондентам был предложен вопрос: какой период советской истории можно назвать «золотым веком»? «Нет такого периода» уверенно обозначили 8,0 % респондентов, 49,9 % затруднились с ответом. Из ответивших в 19,4 % случаев был обозначен брежневский период, а в 9,5 % – 1950-е гг., т. е. хрущевское время. Эти выборы оказались приоритетными во всех возрастных группах, за исключением когорты до 18 лет. Они предпочли 1930–1940-е гг. (сталинский период), а также годы перестройки как наиболее близкие им по времени.

Таким образом, можно сделать вывод об оформлении мифологического исторического пространства – это СССР 1950–1970-х гг., время, с которым соотносится сверхмиф, включающий представления о достижениях, силе и благополучии. Оно имеет тенденцию к расширению за счет 1930–1940-х гг. Этот вывод соотносится с результатами других исследований, где отмечена активная мифологизация брежневского периода [см.: Левада; Кустарев, 2007], по отношению к которому в средствах массовой информации все чаще используется именно это словосочетание – «золотой век».

Особенностью постсоветского мифологического поля является активный интерес молодежи к сталинскому времени: более 6 % молодых людей до 29 лет обозначили этот период в качестве «золотого века», аргументируя свою позицию тем, что СССР этого периода был сверхдержавой, которую все уважали и боялись. По данным ранее проведенных социологических исследований Сталин и его деятельность мифологизируются наиболее активно, а сам он становится неким символом противостояния современному миру, постмодернистской культуре и либеральному государственному устройству. В 2003 г. 22 % жителей РФ положительно относились к Сталину, а в 2008 г. уже 42 % опрошенных соглашались с тем, что стране нужен такой вождь, как Сталин. В интернет-голосовании «Имя России» (проект телеканала «Россия»), Сталин занял третье место из двенадцати. По мнению исследователей, для части общества (в том числе молодежи) ностальгия по Сталину будет оставаться символом на-

циональной идентичности, а сталинизм – приемлемой системой ценностей [см.: Асташкин]. Как считает политолог Сергей Черняховский, ностальгия по СССР будет усиливаться [см.: В Советский Союз...]. Этот прогноз во многом соотносится с жизненным циклом «ностальгии катастроф», переживающей сегодня стадию мифологизации исторических представлений о советском прошлом.

Выводы

Результаты проведенного исследования достаточно противоречивы. Итоги опроса в целом демонстрируют нежелание российского общества вернуться в советское прошлое, сопротивление этому процессу [см.: Чикишева]. Одновременно необходимо констатировать несомненную популярность советских образов во всех сферах общественной жизни и активную целенаправленную мифологизацию советского прошлого. Ностальгия поддерживается и развивается властью, СМИ, бизнесом. С какой целью? Каждая сила имеет свой интерес и свои причины, но в современной ситуации они объективно действуют в одном направлении, возрождая фантомы прошлого и создавая новый советский сверхмиф. Обращенность в прошлое свидетельствует о процессах инкапсуляции российского общества и идейно-политическом кризисе власти.

Своеобразие отношения общества к советскому прошлому Ю. Левада в 2002 г. обозначил как «реанимацию теней прошлого» для решения задач, с которыми власть неспособна справиться [см.: Левада]. Однако с течением времени эти тени становятся все более живыми, охватывая новые поколения россиян и заражая их ностальгическими настроениями.

Российское общество сегодня объективно разделено на две части: рожденные в СССР (до 1991 г.) – их удельный вес составил в 2010 г. 79 % и появившиеся на свет после 1991 г. – 21 % [см.: Всероссийская перепись...]. Первые выступают носителями живой памяти о прошлом и формируют свое отношение к нему, опираясь в том числе на личный опыт. Вторая часть является носителем конструируемой памяти и учитывает при оценке советского прошлого мнение своих родителей, а также другие источники информации, в том числе идеологические установки власти. Удельный вес этой группы населения с течением времени будет возрастать и определять общую ситуацию. После того как уйдет последнее поколение рожденных в СССР, эмоциональный накал образов прошлого должен постепенно спадать. Но это только один из вариантов развития событий. Возможен и другой – дальнейшее обострение и усиление

ностальгических настроений, основанных не на личных воспоминаниях, а на мифологизированных представлениях о советском прошлом, чему объективно способствует сегодня сконструированное ностальгическое пространство, отсутствие в обществе позитивной перспективы и идейно-политический кризис власти.

Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социол. журн. 2012. № 4. С. 5–23.

Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

Аксенов В. Странности ностальгии // Известия. 1995. 21 нояб.

Асташкин Дм. Ностальгия по И. В. Сталину у российской молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/astashkin> (дата обращения: 20.02.2019).

Бойм С. Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/11s-pr.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Нов. лит. обозрение. 1999. № 39. С. 90–100.

В Советский Союз уже не очень хочется // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113534>. (дата обращения: 14.01.2013).

В чем причины ностальгии по СССР? [Электронный ресурс]. URL: <http://enw-fond.ru/ekspertnoe-mnenie/188-v-chem-prichiny-nostalgiu-po-sssr-ekspertnoe-mnenie.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Всероссийская перепись населения 2010 // Госкомстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.01.2018).

Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М. : Круг, 2008.

Добрынина Е. «Советский» да любовь // Рос. газ. 2010. 2 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/02/02/sovetsky.html> (дата обращения: 15.05.19).

Драгунский Д. Социокультурный аспект. Социальная мифология // Россия между вчера и завтра. Кн. 1 : Экспертные разработки. М. : ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2003.

Ильичев Г. Демография против ностальгии. Чем моложе россияне, тем меньше они жалеют о распаде СССР // The New Times. 2011 г. 26 дек. № 44–45 (229).

История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М. : Круг, 2006.

Касамара В. А., Сорокина А. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18–32.

Кустарев А. «Золотые 1970-е» – ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ku1.html> (дата обращения: 15.01.2018).

Кустарев А. Мифология советского прошлого // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/1m.html> (дата обращения: 15.01.2018).

Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6 (62). С. 7–13 [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2002/12/17/474877/> (дата обращения: 15.01.2018).

Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2004.

О распаде СССР : пресс-релиз. 2011 // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2011041103.html> (дата обращения: 15.09.2015).

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / под ред Л. П. Репиной. М. : ИВИ РАН, 2003.

Общественное мнение – 2014 : ежегодник. М. : Левада, 2015.

Постернак А. «Ностальгия по СССР» // Жизнь человека. Воспитание и социальное развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kabmir.org/news/2362-nostalgiya-po-sssr.html> (дата обращения: 20.01.2019).

Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.

Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания. М. : ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.

Фенько А. Ностальгия // Человек. 1993. № 6. С. 38–53.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2019).

Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме : в 2 ч. Ч. 1 : До установления принципата. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та, 1994.

Чикишева А. С. Феномен ностальгии в постсоветской массовой культуре // Фундаментальные проблемы культурологии : сб. ст. по материалам конгресса. Т. 6 : Культурное наследие: От прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак. М. : Новый хронограф : Эйдос, 2009. С. 267–277.

Число сожалееющих о распаде СССР достигло максимума за десятилетие // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/19/chislo-sozhaleyushhih-o-raspade-sssr-dostiglo-maksimuma-za-desyatiletie/> (дата обращения: 21.02.2019).

Шабурова О. В. Ностальгия: через прошлое к будущему // Социемы. 1996. № 5. С. 42–55.

Boym S. The future of Nostalgia. N. Y. : Basic Books, 2002.

Chase M., Shaw C. The dimensions of nostalgia // The imagined past: history and nostalgia / ed. by M. Chase, C. Shaw. Manchester : Manchester University Press, 1989. P. 1–17.

Davis F. Yearning for yesterday: A sociology of Nostalgia. N. Y. : Free Press, 1979.

Havlena William J. and Holak Susan L. Exploring nostalgia imagery using consumer collages // *Advances in Consumer Research* / eds. K. P. Corfman, J. Lynch. Provo, UT : Association for Consumer Research, 1996. Vol. 23. P. 35–42.

Jameson F. Postmodernism, Or, The Cultural Logic of Late Capitalism. London : Verso, 1991.

Marcos P. N. History and the politics of nostalgia // *Jowa J. of Cultural Studies*. 2004. Nr 5 (Oct.). P. 23–35.

Oushakine S. A. We're nostalgic but we're not crazy»: Retrofitting the Past in Russia // *The Russian Review*. 2007. Nr 66. July. P. 451–482.

Tannock S. Nostalgia critique // *Cultural Studies*. 1995. Nr 9. P. 453–464.

Wilson J. Nostalgia: A sanctuary of meaning. Lewisburg, PA : Bucknell University Press, 2005.